

Сценарист он, конечно, классный. До сих пор люди хохочут на фильмах, к которым он сочинил истории: «Афоня», «Смотри в оба», «Инспектор ГАИ», «Дамы приглашают кавалеров», «Мы из джаза», «Зимний вечер в Гаграх», «Курьер», «Маленький гигант большого секса», «Город Зеро»...

— Я рано начал писать, — сказал Саша при нашей встрече. — Первый рассказ сочинил лет в семь: об американских шпионах и советских пограничниках. Без иронии! Писал специально для своего младшего брата Мишки и читал ему это раз сто, всякий раз меня сюжет и выискивая новые подробности. Но персонажи в моем воображении зажили по-настоящему во время хрущевской оттепели. Я тогда учился в строительном техникуме в Киеве и был буквально опьянен «этим сладким словом «свобода». Впервые я пил в кафе напиток под названием «грот». Зачитывался романами зарубежных писателей, особенно молодых рассерженных англичан. Большинство из нас было из провинции, многие приехали из деревень.

— Провинция — это география или что-то другое?

— Люди, которых еще не испортила цивилизация. И я горжусь тем, что я — провинциал. Воркута, в которой я родился и вырос — небольшой городок, и поводов для развлечений

ля. Я имел в проектном институте перспективу!

— А какую работу ты послал на отборочную комиссию?
— У меня был дядя, Костей его звали. Ему было шестнадцать лет, когда он впервые убил человека. Во время войны это было. Украл у полиция пистолет, а тот заметил. Или-или. Убил и убежал в лес партизанить. Потом он оказался в лагере. Девять раз бегал отсюда — вот у кого была жажда выжить! Рассказал о нем — приняли. Сначала учился трудно. Особенно не удавались литературоведческие и искусствоведческие работы. Одну как-то отрецензировали: примитивно написано, по-школьному. Ну, я им и выдал, да так, что мне ответили: нельзя ли вашу работу опубликовать?

— Мне кажется, ты формировался в специфических условиях: Воркута, зона... Как у Шукшина — его Сrostки на Алтае.

— Да Воркута на девяносто процентов — зона политическая! Никаких там голенищ, ножиц и топорщ. Странный город — да, но не криминальный. Помню, ходил к лагерю, я эжкам приносил хлеб, а они мне — рисовые котлетки. Нравилась мне рисовые котлетки. Я даже маму просил их приготовить! Вышки были, охрана. А какие люди! Умнейшие! Был, правда, один офицер — начальник лагеря. Он, бывало, напьется, запрыгает людей в сани и — куражится. Все бы

— Но ты можешь ему сказать...

— Сказать можно. Послушается ли? Год продержусь. Мне уже пятьдесят.

— У тебя связи за рубежом. Займись бизнесом!

— У меня характер недостаточно жесткий. Глобально я верю в Россию, но сегодня я — пессимист. Страну грабят. Это называется «перераспределение». Нас и раньше грабили: армия, вооружение, аппарат. Но они не могли себе дачу построить в Швейцарии, валюту гнали за рубеж. Боялись. Теперь эта прослойка перестроилась плюс примкнувшие — они же ничем не ограничены.

— Но они же не проедают все... Инвестируют...

— Кто? Вот если бы сообщили, что кто-то из них построил завод по производству холодильников или вложил средства в нефть и залил нас бензином...

— Газет много новых появилось...

— Но газеты есть не будешь!

— Но твои сценарии тоже на тарелку не положишь!

— Дело в том, куда идут средства в первую очередь. Еда, одежда и т.д., без чего нельзя. Я не призываю вбухать миллиарды в кино. Когда у человека появятся лишние деньги, он пойдет в кино и проинвестирует его сам! Я понимаю, почему наши бизнесмены не вкладывают навар в производство. Правительство, играя с нами, постоянно придумывает все новые правила. Оно даже уже забыло, что продекларировало в самом начале: не мы для правительства, а оно — для нас. Нет стабильности и гарантий. Кто-то держит на западе сто тысяч долларов потому, что никто у нас не может ему сказать: вложи в Россию. Потому как нет гарантии, что правительство не выпустит через полгода постановление, что, дескать, в связи с валютными трудностями в стране... А деньги — там — это русский лес, русская нефть. Они инвестируют западное производство того же пива, потом оно привозится к нам и с накрутками — в горло не лезет!

— Мы еще не на дне?

— Мы живем лучше многих! Считают: капитализм — это рай. Ерунда. Таких наберется едва ли двадцать стран. А есть масса государств с капитализмом, которому сто и больше лет — там каменный век! До перестройки человек у нас стоил копейку. Теперь объявили: во главе государственной политики — человек. И вообще он перестал что-нибудь стоить. Нельзя быть немножко беременным. Вот генеральный директор «Мосфильма» В. Н. Досталь. Если студия — его, он и хозяйничает по-своему, но в том и трагедия момента, что студия стала ничьей! Выдаются квоты и лицензии на лес, нефть и — кто-то кладет огромные деньги себе в карман. Но чья нефть? Чей лес? И раньше взятки брали, но — мало. Появилась возможность заиметь просто фантастические деньги. У нас сегодня легче, чем на Западе, можно надобать миллионы и миллионы, но — в системе, где не нарушать законы нельзя. Тогда зачем я побегу работать на завод? Хамский разбой — он на поверхности лежит. Интеллектуальное ограбление каждого из нас — сущность невидимая. Все сошли с ума. Если и я, как и многие другие, буду доведен до нищенского отчаяния, я не сигну с балкона, как некоторые, не вспорю себе вены: Я возьму пулемет и пойду на правительство. Но, с другой стороны, я понимаю, правительство не свободное. Думали — Брежнев свободен, как царь. Царь был ограничен законами Божиими, а этот — круговой порукой Политбюро. Теперь же — гуляй, кто как может!

— Но, согласись, перестройка заставила людей крутиться. Старушки торгуют и днем и ночью сигаретами, а раньше семечки лузгали...

— Лучше пусть семечки лузгают. Предназначение старых — внуков растить. Вертеться — закон для молодых. А стариков всегда племя содержало.

— Знаю, молодые бизнесмены вкладывают деньги в строительство богаделен, содержат бесплатные столовые для нищих.

— Зачем же унижать людей? Правительство обязано в первую очередь позаботиться о стариках. Тогда и молодые будут знать: и меня ожидает такая старость, и мне будет так же хорошо. Для этого не миллионы нужны, а ровно столько, чтобы купить хлеб и молоко.

— Да сколько ни дай старикам, все равно побегут «сникерс» покупать для внука!

— Не придумывай. Мои папа и мама были пенсионерами. Да, покупали Машке, Денису деликатесы. Но на хлеб и молоко у них были свои деньги. И мясо, между прочим, ели. Это дело стариков: голодать или купить внуку «сникерс». Вот если сытая да одетая бабуся захочет купить внуку «сникерс», тогда пусть на это дело поторгует сигаретами. Тогда и она сама, и другие люди будут знать: с жиру бесится.

— Тупик?

— Пока, да.

— Представь, ты идешь по улице и видишь: стоит на балконе человек с плакатом: «Не дашь миллион — прыгну!» — Если миллион у меня есть — дам.

— Не подкажешь нам, как жить?

— В тебе совок взбрыкивает. Подкажи, научи... В Бога надо верить. Но заставить — нельзя.

— Помнишь притчу: обложил владыка город — плати дань. Пока народ хныкал, завоеватель посмеивался — есть еще у жителей «бабки». Вот когда люди стали смеяться, он и отвалил...

Бородинский пожал плечами и — ушел. Наверное — на поиски пулемета.

Беседовал Николай РЫЖИКОВ.

Кинодраматург Александр Бородинский: «ПОДОЖДУ ЕЩЕ ГОД. ПОТОМ ДОСТАНУ ПУЛЕМЕТ...»

не густо. Раз в неделю — танцы, а в Москве — хоть каждый день. Все на виду, никуда не спрячешься. Все живут в определенных рамках. Почему люди в командировках чувствуют себя более раскованно? Да потому что запретное — сладко. Убежден, авторами беспредела являются те, кто придумал эти командировки.

— Для нашего поколения служба в армии была почетной обязанностью...

— Ну, мне вообще повезло — служил в ракетных войсках в Венгрии в шестьдесят четвертом — седьмом годах. Умудрился выучить мадьярский язык. Плохо, правда, но мог изъясняться. Перевел на венгерский популярную тогда у нас песню, там есть такие слова: «Никто тебя не любит так, как я».

— Зачем?

— Лежал в госпитале и от нечего делать гулял в окно. Заметил красивую девушку, она шастала мимо нашего колючего забора. Наверное, ходила в гимназию. Ну, ребята в ее адрес всякие шуточки выкрикивали. А я взял и спел. Думал — романтично. Она же шаркнулась, как от зачумленного. Потом я узнал, что в буквальном переводе эта фраза звучит так: «Никто тебя не любит, только такой дурак, как я».

— Не ощущал себя оккупантом?

— Оставь эти гнилые шутки при себе! Мы стояли на страже! Ясно? Простые люди, если им не вдальбивать, очень даже дружелюбные. Нас там было — сто тысяч! Молодые, оторванные от дома. Хотя, были и подонки. Помню, какие-то дебили пьяные завели танк и передавали несколько гражданских. Нас построили и зачитали приказ — убийцам «вышак».

— Вот тогда-то местные вас камнями закидали...

— Нет. Историю не раздували. Более того, мадьяры говорили: в семье не без урода. И приглашали нас на вечера дружбы. Однажды подошла и моя очередь. Объявляют: едем на цепной завод. Мы приуныли — стоило три месяца мыть шею и драить сапоги. Оказалось, не так уж и плохо. Угостили паленкой и повезли на кондитерскую фабрику. Девушек там... Попили, поели, потанцевали. Потом — трест столовых и ресторанов. Везде встречали, как друзей. Никакого «янки — гоу хоум».

— Понимаю, ты жил, как жило большинство из нас. Тебя не убивали и — ладненько.

— Почему не убивали?! Раз в Киеве ножом пырнули. Шел с друзьями по Крещатику, о чем-то спорили: оттепель! Встретили компанию мужиков, прилично одетых. Вдруг один из них: «Эй, очкарики, затыкейшен!» Я отвечаю, что, дескать, при чем тут очки? А он — раз и махнул мне чем-то в живот. Смотрю — кровь. Говорю: меня, кажется, зарезали. Подбегает милиционер: «Не волнуйтесь, здесь много переодетых милиционеров. Поймаем!» Скорая приехала. В центре города, при всем честном народе оголили мне задницу и всадили противостолбнячный укол. Последнее, что услышал: «Бандиты! Нашли, где разборки устраивать!» Потом меня в техникуме считали крутым бандитом...

— С твоим опытом поступать во ВГИК — самый раз!

— Не думал я ни о каком ВГИКе. Но о кино знал многое. Теоретически. Запомню читал польские журналы «Фильм», «Экран» и «Кино». И разлил этим всех. Конкурсы устраивали. Сейчас это называется «хит-парадом». О жизни звезд знали все: кто женился, кто развелся. Продолжал писать — все в стол. Раз провел эксперимент: взял рассказ Ирвина Шоу и переписал, изменив названия и имена. Например, героиню назвал Машей, коллегу — школой. Дал коллегам проектного института почитать. Для меня это был страшно важный урок. Я работал редактором и помню, как трудно было принять сценарий при первом чтении. Раз в договоре написано: первый вариант, второй и третий, значит, надо трижды вносить правки.

— А Рязанов?

— Также срывает стереотип! Рязанов всегда пишет только третий вариант, окончательный. Так вот, рассказ Шоу коллеги восприняли однозначно: Бородинский написал какую-то муру. Потому что была рукопись.

— Погоди, было же время, мы зачитывались полупулевыми ксероксами. Например, Пастернака...

— Но если бы тебе дали рукопись Вани Голопушкина из Урюпинска, стал бы читать? Или — было бы тебе интересно, что продавщица из магазина развелась с мужем? Вот Рейган замечен в интрижке — это интересно всем.

— Ты пошел во ВГИК. Была игра или, если бы не поступил — повесился?

— Игра. У меня же была профессия строите-

ло просто и — страшно.

— И все-таки в картине «Афоня» есть запашок зоны.

— Никакого запаха. Афоня — работяга. Но всегда готов урвать.

— Когда писал, верил, что попадет на экран?

— Нет, не верил, но писал как в озарении. Затем услышал про конкурс на лучший сценарий о рабочем классе — послал туда работу. Она же курсовая была. Послал для смеха. Ну, какой Афоня — героический рабочий класс? И вдруг пошли рецензии. Одна лучше другой. Что интересно: либералы осудили, а ретрограды типа Павленка — одобрили. Он так и сказал: первую, мол, премию нельзя дать, а поощрительную — можно. Ах тысячу рублей. Съездили мы с женой и сыном Денисом на море. Потом — ДANELИЯ. Отдельная история. Скажу только, что для меня тогда было такое состояние в творчестве: «Горюй! Ибо в печали искупление». А у ДANELИИ — другое: «Не горюй! Стерпится — перемелится». Сейчас я живу тем же, что исповедует Мастер. Чем в жизни хуже, тем больше надо давать человеку надежды. Считаю, искусство должно помогать людям жить. Не запугивать, не топить их, а помогать проявить себя.

— А чего это вдруг ты в режиссуру уда- рился?

— А некому было снимать наш фильм «Сны». Карен Шахназаров укатил в Америку на съемки. Деньги есть, сроки поджимают — вот я и встал у камеры. Но у Карена там что-то не заладилось, вернулся и стали мы в четыре глаза делать фильм. Мы одинаково видим — в этом весь фокус. Раньше, только как сценарист, сидишь на площадке, надоело — сбегал. А тут — ответственность. За людей, за пленку, за деньги.

— Откуда берешь сюжеты?

— Из жизни. На картине «Мы из джаза» был у нас консультант, степист Быстров — легендарная личность. Мы его сделали Бегловым и сплели образ с него для «Зимнего вечера в Гаграх». «Город Зеро» возник из недр Воркуты. Там — все правда. Хотя толчок дал Карен: вижу, говорит; приезжает в некий город командировочный, заходит в контору — а там — голая секретарша цветы из графина поливает. «Царевубийца» — из хроники Гелия Рябова. Карен как-то говорит: не лежит душа к его материалу — монотонно уж больно все. А я ему: давай на историю посмотри глазами убийцы. Столько домов для душевнобольных пересмотрели, пока нашли необходимый для фильма антураж.

— Где берет деньги?

— Где придется. Надо сначала хороший сценарий написать. Когда думаешь о деньгах — ничего хорошего не получится. У «Мосфильма» же нет денег. Когда-то здесь снимали пятьдесят фильмов в год. Сегодня — дай Бог — восемь. Стоит средняя картина пятьсот миллионов рублей. А за чем прокату за такие деньги заказывать кино, когда он за двадцать тысяч долларов может купить американский фильм? Поэтому и дорожает производство отечественных картин. Поэтому студия вынуждена сдавать павильоны в аренду. Поэтому и акционирование у нас превратилось в очередную фикцию.

— Твой прогноз?

— Три года назад я еще мог бы

спрогнозировать. Сейчас — нет.

— Пишешь, пишешь. Кина нет. Так и будешь жить на подножном корму?

— Я не знаю. Я — беден.

— Купи акции и живи на дивиденды.

— Копейки...

— На детей рассчитываешь?

— Если Маша поступит на юридический, потом устроится в богатую фирму, тогда — да. Денис? Он компьютерами занимается. Но толку пока никакого. Хочет создать супер-программу, чтобы мир удивить.

лил...